

Ангел мой ненаглядный

1

Все случайности скорее всего не случайны, просто мы не всегда знаем причину. То, что с нами совершается в настоящем и произойдет в будущем, закладывается далеко в прошлом. Задумываемся мы над этим или нет, ищем корни своих несчастий и везений или безропотно принимаем любой расклад, значения не имеет. Тем более что и спохватываемся поздно, когда исправить уже ничего нельзя. А если бы и возможно: где же взять такую волю, чтобы переломить судьбу через колено? Приятнее сознавать, что существует некая тайная сила, нам неподвластная, на нее легко списать собственные неудачи, прикрыв бездеятельность ссылками на предопределение.

Но даже если причины известны, мы быстро их забываем и помним только результат. Тот самый, который выглядит как простая случайность. Поэтому мы плохо учимся на ошибках, особенно на чужих. Впрочем, что значит – ошибки? Деяния, имевшие негативные последствия. Иначе говоря, отрицательный опыт. Однако, в принципе, любой опыт (исключая опыт как инструмент научных исследований) отрицателен. Он тормозит мысль, сдерживает воображение, соблазняя двигаться (или не двигаться) в сторону известного, а именно шаблон лежит в основе регресса.

Так, или примерно так, думал отец Никодим, совершая свое последнее богослужение. Накануне он принял смелое и окончательное решение, не будучи, однако, абсолютно уверенным в его правильности. Изогранный ум - не священника, но философа, которым Никодим остался по своей сути - привык всё подвергать сомнению. Теоретически, определенное противоречие здравому смыслу, несомненно, существовало, поскольку последующими действиями он намеревался посрамить собственный силлогизм. Но практически другого выхода он не видел и спокойно относился к возвращению в мир, где ему предстояло исполнить свое истинное предназначение.

2

Лукавый № 319 собственноручно драил копыта – его вызвали на Самый Верх, и доверить такое важное дело какому-нибудь безномерному лукавёнку было бы опрометчиво. Господин, которого за глаза все звали просто Сам, любил порядок и требовал благопристойности от подчиненных, невзирая на ориентацию – грязную или чистую. Это внешне Сам походил на доброго недалекого дедушку – ему по-детски нравилось вводить публику в заблуждение - а на самом деле был строг и далеко не прост. Поэтому-то Лукавый так усердствовал - потерять ранг, добытый беспредельным трудом, из-за пустяка было бы глупо. Почетный трехзначный номер означал, что впереди всего триста восемнадцать более удачливых собратьев, но тем длиннее очередь сзади, где только и ждут промашки в надежде занять его место.

319-й свистнул и велел лукавёнку принести дежурный балахон, чтобы прикрыть вековую грязь и клочковатую, слегка пованивающую шерсть - мыться нечистым не полагалось по статусу. Балахон длинный, но не до полу, а только до щиколоток – таково требование этикета. Сам считал, что ноги содержат об их хозяине наиболее полную